

III. КРИТИКА и БИБЛIOГРАФИЯ.

О предисловии Г-на Лемонте къ переведу Басенъ И. А. Крылова.

Любители нашей Словесности были обрадованы предпріятіемъ Графа Орлова, хотя и догадывались, что способъ перевода споль блестящій и споль недоспашочный нанесенъ нѣсколько вреда Баснямъ неподражаемаго нашего Поэта. Многіе съ большимъ неспрѣніемъ ожидали предисловія Г-на Лемонте; оно въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательно, хотя и не совсѣмъ удовлетворительно. Вообще шамъ, гдѣ Авторъ долженъ быть необходимо писать по наслышкѣ, сужденія его могутъ иногда показаться ошибочными; напротивъ того, собственная догадки и заключенія удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый Писатель едва коснулся до такихъ предметовъ, о коихъ мнѣнія его должны быть весьма любопытны. Читаешь его спашью (*) съ невольной досадою, какъ иногда слушаешь разговоръ очень умнаго человѣка, которыи, будучи связанъ какими-то приличіями, слишкомъ многаго не договариваеть и слишкомъ часто опмалчиваешься.

Бросивъ бѣглый взглядъ на Исторію нашей Словесности, Авторъ говорить пѣсколько словъ о нашемъ языкѣ, признаешь его первобытнымъ, не сомнѣваешься въ томъ что онъ способенъ къ усовершенствованію и ссылался на увѣренія Русскихъ,

(*) По крайней мѣрѣ въ перевѣдѣ, напечатанномъ въ С. О. Мы не имѣли случая видѣть французскій подлинникъ.

предполагаешь, что онъ богатъ, сладкозвученъ и обиленъ разнообразными оборопами.

Мнѣнія сіи не трудно было оправдать. Какъ матеріяль Словесности, языкъ Славяно-Русскій имѣеть неоспоримое превосходство предъ всѣми Европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній Греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой Лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей Грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отседѣ заемлеши отъ гибкость и правильность. Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отදмиться отъ книжнаго; но въ послѣдствіи они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей.

Г. Лемонтие напрасно думаешь, что владычество Татаръ оставило ржавчину на Русскомъ языкѣ. Чуждый языкъ распространяется не саблею и пожарами, но собственнымъ обилемъ и превосходствомъ. Какія-же новыя понятія, требовавшія новыхъ словъ, могло принести намъ кочующее племя варваровъ, не имѣвшихъ ни Словесности, ни торговли, ни законодательства? Ихъ нашествіе не оставило никакихъ следовъ въ языкѣ образованныхъ Кипайцовъ, и предки наши, въ течение двухъ вѣковъ споная подъ Татарскимъ игомъ, на языкѣ родномъ молились Русскому Богу, проклинали грозныхъ властителей и передавали другъ другу свои сънованія. Таковой-же пріимѣръ видѣли мы въ новѣйшей Греціи. Какое дѣйствіе имѣеть на порабощенный народъ сохраненіе

его языка? Разсмотрение сего вопроса завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Какъ-бы шо ни было, едва ли полсотни Татарскихъ словъ перешло въ Русской языкъ. Войны Литовскія не имѣли также вліянія на судьбу нашего языка; они одинъ оставался неприкосновенною собственностью несчастнаго нашего Отечества.

Въ царствованіе Петра I го началъ онъ пріемѣнно искажаться отъ необходимаго введенія Голландскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ словъ. Сія мода распространяла свое вліяніе и на писателей, въ то время покровительствуемыхъ Государями и вельможами; къ счастію, явился Ломоносовъ.

Г. Лемонте въ одномъ замѣткѣ говорить о всеобъемлющемъ геніи Ломоносова; но онъ взглянуль не съ настоящей точки на великаго сподвижника Великаго Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнейшее страстию сей души, исполненной спрашней. Историкъ, Риторъ, Механикъ, Химикъ, Минералогъ, Художникъ и Спихотворецъ, онъ все испытывалъ и все проникъ... Первый углубляется въ Исторію Отечества, утверждаетъ правила общественнаго языка его, даетъ законы и образцы классического краснорѣчія, съ несчастнымъ Рихманомъ предугадываетъ открытия Франклина, учреждаетъ фабрику, самъ сооружаетъ машины, даритъ художества мозаическими произведеніями и наконецъ открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка.

Поэзія бываєшъ исключительною страстью немногихъ, родившихся Поэтами; она объемлещь и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усиля, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни: но если мы спрашемъ изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точные были всегда главнымъ и любимымъ его занятиемъ, спицхоптворство же иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненiemъ. Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ Лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображения. Слогъ его, ровный, цвѣущій и живописный, заемлещь главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго Славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія оного съ языкомъ просионароднымъ. Вотъ почему преложенія Псалмовъ и другія сильныя и близкія подражанія высокой Поэзіи священныхъ книгъ суть его лучшія произведенія (*). Они останутся вѣчными памятниками Русской Словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ изучаться спицхоптворному языку нашему; но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать чтобъ человѣкъ, умершій 70 лѣть тому назадъ, оставилъ и нынѣ любимцемъ Публики. Какъ будто нужны для славы великаго Ломоносова мѣлочная почести моднаго писателя!

Упомянувъ объ исключительномъ употребленіи Французскаго языка въ образованномъ кругу нашихъ

(*) Любопытно видѣть, какъ юонко насмѣхающій Тредьяковскій надъ Славянщинами Ломоносова, какъ важно совѣтуетъ онъ ему перениматъ легкость и щеголевитостъ *rѣчи изрядной коллегиї!* Но удивительно, что Сумароковъ съ большою точностью опредѣлилъ въ одномъ полуслишкомъ искинное достоинство Ломоносова - Поэта:

Онъ нашихъ спрашъ Мальтербъ, онъ Пиндару побѣдить!

Enfin Malherbe viat, et, le premier en France, etc.

обществъ, Г. Л., столь-же остроумно какъ и справедливо, замѣчаешьъ, что Русский языкъ чрезъ то долженъ быть непремѣнно сохранишъ драгоцѣнную свѣжеспѣ, простоту и, такъ сказать, чистосердечность выраженій. Не хочу оправдывать нашего равнодушія къ успѣхамъ отечественной Лирикераширы, но пѣть сомнѣнія, что если наши писатели чрезъ то теряютъ много удовольствія, по крайней мѣрѣ языкъ и Словесность много выигрываютъ. Кто опеконилъ Французскую Поэзію отъ образцовъ классической древности? Кто напудрилъ и нарумянилъ Мельпони Расина и даже строгую Музу стараго Корнеля? Придворный Людовика XIV. Что навело холодный лоскъ вѣжливости и остроумія на всѣ произведенія писателей 18 столѣтія? Общество Mes du Deffand, Boufflers, d'Epinay, очень милыхъ и образованныхъ женщинъ. Но Мильпонъ и Данше писали не для благосклонной улыбки прекраснаго пола.

Строгий и справедливый приговоръ Французскому языку дѣлаеть честь безприспастію Автора. Непинное просвѣщеніе безприспастно. Приводя въ примѣръ судьбу сего прозаического языка, Г. Лемонте утверждаетъ, что и нашъ языкъ, не столько онъ своихъ Поэтовъ, сколько онъ Прозаиковъ долженъ ожидать Европейской своей общежительности. Русский Переводчикъ оскорбился симъ выражениемъ; но если въ подмнинникѣ сказано civilisation Европы, то Сочинитель чуны-ли не правъ.

Положимъ, что Русская Поэзія досшигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышенія, умы не могутъ довольношзоваться одиѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость, политика и философія

еще по-Руски не изъяснялись; метафизического языка у насъ вовсе не существуетъ. Проза наша такъ мало обработана, что даже въ прошлой перепискѣ мы принуждены создавать обороны для изъясненія понятий самыхъ обыкновенныхъ, такъ что дѣность наша охопнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно гощены и вѣмъ извѣшны.

Г. Лемонше, входя въ нѣкоторыя подробности касательно жизни и привычекъ нашего Крылова, сказа́лъ, что онъ не говориши ни на какомъ иностранномъ языкѣ и только понимаешь по-Французски. *Не правда!* рѣзко возражаетъ Переводчикъ въ своемъ примѣчаніи. Въ самомъ дѣлѣ, Крыловъ знаетъ главные Европейскіе языки и сверхъ того, онъ, какъ Альфieri, пятидесяти лѣтъ выучился древнему Греческому. Въ другихъ земляхъ таковая характеристическая черта извѣстнаго человѣка была бы прославлена во всѣхъ журналахъ; но мы въ биографіи славныхъ Писателей нашихъ довольствуемся означеніемъ года ихъ рождения и подробностями послужнаго списка, да сами-же попомъ и жалуемся на нѣвѣдѣніе иностранцовъ о всемъ чѣмъ до насъ касающемся.

Въ заключеніе скажу, что мы должны благодарить Графа Орлова, избравшаго испинно-народнаго Поэта, дабы познакомить Европу съ Литературою Сѣвера. Конечно ни одинъ Французъ не осмѣлитсѧ, кого бы то ни было, поставить выше Лафоншена, но мы, кажется, можемъ предпочтать ему Крылова. Оба они вѣчно останутся любимцами своихъ единоземцовъ. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что прошлодушіе (*naivit , bont me*) есть врожденное

свойство Французского народа; напротивъ того, опличительная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума, на смѣшливость и живописный способъ выражаться: Лафоншень и Крыловъ представители духа обоихъ народовъ.

H. K.

12 Августа.

P. S. Мне показалось излишнимъ замѣтить нѣкоторыя явные ошибки, пропущенные иностраницу, напр., сближеніе Крылова съ Карамзінымъ (сближеніе, ни на чьмъ неоснованное), мнимая неспособность языка нашего къ стихосложенію совершенно метрическому и проч.

Современная Русская Литтература.

51. *Записки, издаваемые Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, относящіяся къ Мореплаванію, Наукамъ и Словесности. Часть VIII. Спб. 1825. in 8. LIV и 493 стр. (съ портретомъ, картами и рисунками).*

Записки, издаваемые Адмиралтейскимъ Департаментомъ, надобно причислить къ небольшому числу книгъ, составляющихъ украшеніе нашей Литтературы. Смѣло можемъ поставить ихъ на ряду съ собраниями Сочиненій и Переводовъ, издаваемыхъ Учеными Европейскими Обществами.

Въ началѣ книги помѣщено извѣстіе о занятіяхъ Адмиралтейского Департамента, по ученой части, за 2-ю половину 1824 года. Здесь находятся